

4. Lacan J. *The seminar. Book 11. Four fundamental concepts of psychoanalysis* (1964). New York; London, 1977. 304 p. (Rus.ed.: Lakan Zh. *Seminary. Kniga 11. Chetyre osnovnyye ponyatiya psikoanaliza*. Moscow, 2004. 304 p.).
5. Wittgenstein L. *Lectures and conversations on aesthetics, psychology and religious belief*. Oxford, 1967. 96 p. (Rus.ed.: Vittgenshteyn L. *Lektsii ob estetike, psikhologii i religii*. Moscow, 1999. 96 p.).

УДК 82-3

ВОЗМОЖНО ЛИ ПРОГНОЗИРОВАНИЕ БУДУЩЕГО?

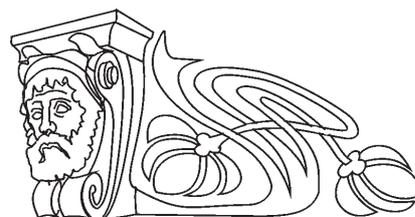
Шакирова Елена Юрьевна –

кандидат философских наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Военно-учебный центр Военно-воздушных сил Военно-воздушной академии им. проф. Н. Е. Жуковского и Ю. А. Гагарина (филиал в г. Сызрань)
E-mail: 5526reu@mail.ru

Будущее как объект исследования всегда привлекало ученых в разные эпохи и из разных областей научного знания, и интерес к будущему в последнее время возрастает, что обусловлено крайней степенью рискогенности и неопределенностью современности. В статье предпринимается попытка анализа самой возможности прогнозирования будущего. Постулируется, что конструирование будущности невозможно без детального изучения социокультурных оснований настоящего. Будущее обладает большой степенью неопределенности в силу того, что в нем рождается новое как уникальное в первые моменты своего рождения и существования. Будущее – это темпоральная структура реальности. Автор приходит к парадоксальному выводу: социокультурность сама посредством самоорганизации способна проектировать свое же будущее и сама же обладает потенциалом его контролировать.

Ключевые слова: будущее, прогнозирование, ценности, общество, постиндустриальное общество.

Будущее – категория оценочная. К. Элбертсон отмечает, что «будущее не нечто конкретное, а абстракция, обремененная эмоциями» [1, с. 397]. В. С. Степин указывает на то, что философия способна создавать необходимые для научного исследования категориальные матрицы до того, как наука начнет осваивать соответствующие типы объектов [2]. Мы должны понимать, что «для исторической реальности будущее есть возможность, которая переходит в действительность, и эта возможность коренится в уже имеющих события и структурах. Для человеческого бытия-в-истории будущее – это, прежде всего, ожидание, в котором присутствуют надежда и безнадежность, страх и решимость, мечта и меркантильный расчет», – отмечает С. Н. Жаров [3, с. 30]. И далее: «Проецируемые вперед осознанные и неосознанные ожидания составляют полюс будущего, принадлежащий человеческому бытию-в-истории <...> будущее как коллективная проекция вперед сталкивается

с будущим как наступающей реальностью» [3, с. 30]. Так, по мнению автора, история определена переплетением двух темпоральных измерений – времени исторической реальности и времени человеческого бытия-в-истории, хотя здесь неизбежно возникает возражение: возможно, речь идет об историческом времени и субъективном представлении о нем. Уникальность настоящего сводится к тому, что оно является и моментом времени, и моментом возможности: «Это такой интервал, в течение которого сосуществуют исторически устойчивые “пра-формы” прошлого и апробируются “пре-формы” будущего» [4, с. 162].

Активизация прогностических теорий и теорий дальнейшего развития человечества пригласила на середину прошлого столетия, в это время появилось много работ, посвященных как анализу современности, так и прогнозу будущего состояния человеческого общества. Будущее всегда воспринимается как такое явление, которое без сомнения несет масштабные социокультурные изменения. В начале 1980-х гг. Дж. Нейсбит в своей работе «Мегатренды» определил основные тенденции развития современного мира, определяющие облик и суть нового общества, движение к которому неизбежно: «Форму нового мира не в силах предсказать никто <...> Самый надежный способ предугадать будущее – понять настоящее», – писал Дж. Нейсбит [5, с. 9–10]. Он выделяет основные тенденции развития мира, которые свидетельствуют лишь об одном: общество переживает стадию перехода на следующую ступень социального развития, и данные процессы необратимы.

В многочисленных существующих концепциях будущего общества нового типа общим

является «признание новых информационных технологий (в этом состоит постиндустриализм), многообразия и плюрализма информации (в этом просматривается постмодернизм) и новое распределение информации в пользу общества (в этом видится новая современность)», – отмечает В. Г. Федотова [6, с. 20]. Д. Белл в работе «Грядущее постиндустриальное общество» выделил основные характеристики нового этапа общественного развития и пришел к выводу, что понятие постиндустриального общества является, скорее, инструментом теоретического анализа, чем обозначением реально существующего строя: оно «является аналитической конструкцией, а не картиной специфического или конкретного общества. Оно есть некая парадигма, социальная схема, выявляющая новые оси социальной организации и стратификации в развитом западном обществе», – отмечает Д. Белл [7, с. 655]. Постиндустриализация выступает как своеобразная парадигма будущности, это качественный поворот, переворот в социокультурности, изменение ее смысловой нагрузки, и связана она с изменениями в сфере труда, с превращением труда, по крайней мере для определенной части общества, в разновидность творческой деятельности, в средство самореализации. Чем совершеннее труд, тем совершеннее его мастерство и созидательность, а также человеческая индивидуальность. Любые перемены «в характере труда и орудий производства изменяют сознание», – замечает Г. Маркузе [8, с. 53] и, следовательно, происходят изменения в мировоззренческих установках современности. Исследователи, анализирующие формирование такого общества и соответствующего ему ценностного сознания, в частности Р. Инглхард [9], убедительно показали, что нарастание новых ценностных элементов возникает естественно, но этот процесс зачастую не является процессом со знаком «плюс». Все более актуальной становится проблема воздействия постиндустриальной трансформации на социокультурные отношения и строение социокультурного пространства, в котором бытийствует общество.

В ценностном основании, развивающемся по принципу стохастичности и спонтанности появления новых элементов-ценностей, все в большей степени проявляются аксиологические направления, связанные со свободой действия и мышления. Эта точка зрения поддерживается и другими исследователями, в частности Ч. Хэнди. По его мнению, людям придется «больше сил и времени отдавать деятельности вне экономической сферы, активности, мотивированной не стремлением к эффективности, а желанием

обрести внутреннюю удовлетворенность и достоинство» [10, с. 179]. В перспективе возможно расширение формирования в ценностной сфере ценностных направлений, которые Р. Инглхард называет постматериалистическими [11]. Но наряду с этим процессом наблюдается прямо противоположный, а именно – усиление противоположных тенденций, связанных с доминированием иных ценностей – материалистического характера. Почему же процессы аксиологического развития, несмотря на позитивные прогнозы, все же проявляют ярко выраженный дуалистический характер? Мы полагаем, что данный процесс сопряжен с теми изменениями, которые происходят в обществе, в частности с углубляющимся социальным расслоением и ростом социального неравенства. Новая идеология как процесс изменения мотиваций и основных парадигм мышления будет свойственна лишь некоторым (например, высшим) слоям населения. Основная трудовая мотивация связана не с получением большего дохода, а с заинтересованностью в исполняемой работе, с достижением поставленной цели. Однако таких людей в постиндустриальном обществе немного, и было бы ошибкой ожидать, что с установлением постиндустриальных отношений постматериалистические ценности будут формироваться автоматически. Здесь необходимо принимать во внимание гипотезы недостатка и социализации, выдвинутые в теории Р. Инглхарда. Их суть заключается в том, что ценностные приоритеты отражают *общий фон социально-экономического развития* страны (гипотеза недостатка) и ценности формируются у каждого человека в особый период личностного развития, называемый *формативными годами*, и сохраняются в течение всей жизни в виде основы его ценностной матрицы (гипотеза социализации). Следовательно, степень распространенности подобных ценностей будет увеличиваться по мере перехода от одного поколения к другому. Однако в целом в обществе с появлением постиндустриальных отношений усиливающееся социальное неравенство ведет к кризису ценностной системы, росту ценностной апатии и утверждению ценностного плюрализма, принимающего ризомную форму.

Полагаем, что сущность происходящих перемен можно объяснить тем, что «человечество на самом деле вступило в “эру свободы”, которая имеет первейшей предпосылкой изобавление от очевидной и жестокой, повседневной и массовой “внешней необходимости” – производить “материальные блага”» [12, с. 18]. Требование неограниченной свободы, или либертаризм, и религиозный упадок определяют

ся некоторыми исследователями как основные причины глубокого антропогенного кризиса. По словам В. Г. Федотовой, «...либертаризм, требование неограниченной свободы разрушает общественную солидарность и нормы» [6, с. 41]. Либертаризм отрицателен, он ведет к анархии, расколу ценностной системы, апатии масс. Он противоположен традиционному пониманию свободы – «свободы в рамках закона, то есть согласно принципу: разрешено все, что не запрещено» [13, с. 18].

Прогнозы будущности неоднозначны: позитивные, с одной стороны, они негативны, с другой стороны. Огромный вклад внесли в развитие футурологии представители Римского клуба. В своих работах А. Печчеи, Дж. Форрестер, Д. и Дон. Медоуз, М. Месарович, Э. Пестель не только предоставили собственное видение и интерпретацию социальных реалий XX в., но и предложили выход из сложившейся кризисной ситуации. А. Печчеи в своей первой книге «Перед бездной» описывает противоречивую динамику мира: «...новые силы разрывают на части всю человеческую систему, обрекая различные страны и регионы на разные и все более и более расходящиеся судьбы...» [14, с. 114]. Он призывал обратить пристальное внимание на макропроблемы, решить которые можно только усилиями всего человечества. Д. Медоуз дал самые мрачные прогнозы на будущее: сырьевые ресурсы будут исчерпаны, а нехватка продовольствия станет катастрофической, если экономическое развитие не будет сведено к простому воспроизводству, а рост населения не будет контролироваться. «Численность населения и объем капитала – единственные величины, которые должны оставаться неизменными» [15]. Этот взгляд получил название «концепция нулевого роста». Не так давно вышла в свет еще одна работа Д. Медоуза «Пределы роста. 30 лет спустя». В ней отмечается: «мы выражали надежду на то, что будут предприняты упреждающие меры, которые позволят избежать роста нагрузки на окружающую среду и выхода за пределы самоподдержания Земли <...> Двенадцать сценариев, приведенных в «Пределах роста», показывают, как рост населения и потребления природных ресурсов соотносится с разными пределами. В реальной жизни пределы роста многообразны» [16]. В работе отмечается, что авторы не изменили своих прогнозов, а лишь обновили данные и включили результаты своих многочисленных исследований в данную работу [16]. Здесь же авторы поясняют, что значит, выйти за пределы роста: «Это означает, что вы зашли слишком далеко – непреднамеренно вышли за суще-

ствующие рамки... Существуют три основные причины выхода за существующие пределы... Во-первых, это рост (причем ускоряющийся) и слишком быстрые изменения. Во-вторых, всегда существует некий предел, за которым деятельность системы перестает быть безопасной. В-третьих, часто между событием и откликом на него бывает запаздывание, вдобавок не всегда этот отклик интерпретируется правильно, так, чтобы вернуть систему в допустимые пределы» [16]. Таким образом, авторы настаивают на том, что прогресс не бесконечен и достижения науки не способны помочь человечеству. А. Печчеи констатирует, что «истинная проблема человеческого вида на данной стадии его эволюции состоит в том, что он оказался неспособным в культурном отношении идти в ногу и полностью приспособиться к тем изменениям, которые он сам внес в этот мир. Поскольку проблема, возникшая на этой критической стадии его развития, находится внутри, а не вне человеческого существа, то ее решение должно исходить прежде всего и главным образом изнутри его самого» [14, с. 43]. Значит, решение всех проблем, постигших человечество в XX в., возможно через совершенствование собственных человеческих качеств, гуманизацию деятельности.

Свой взгляд на будущее предложил А. С. Панарин. Он полагал, что в современном мире мы сталкиваемся «не с естественной изначальностью ситуации нестабильности, а с ее общественным производством» [17, с. 10]. При этом «нестабильность, по всей видимости, уже стала судьбой XXI века – вопреки ожиданиям “стабильного развития”» [17, с. 11]. В грядущем будущем рационализм, по мнению А. С. Панарина, полностью изживет себя. Начало этого процесса уже прослеживается в текущем настоящем. Рационализм натолкнулся на свою противоположность – потребительское общество. «Рационализация предполагает подчинение инстинкта разуму – потребительское сознание, напротив, олицетворяет капитуляцию разумной воли перед напором “инстинкта удовольствия”». Рационализация предполагает подчинение краткосрочных выгод долгосрочным стратегиям – потребительское сознание жаждет немедленного удовлетворения любой ценой. Рационализация означает такое расширение горизонта действия, при котором бы учитывались не только его прямые и немедленные, но и косвенные и отдаленные последствия. Потребительское сознание представляет собой такой очаг возбуждения по поводу центрального объекта вождления, что все другие зоны и очаги внимания попросту гаснут», – писал А. С. Панарин [17, с. 36].

Потребление как оформившееся ценностное сознание, зачастую принимающее вид идеологии, коренным образом меняет социокультурные связи и отношения, деформирует социокультурное пространство. Внедрение ценностей потребления в ценностное ядро, в конечном счете, и послужило причиной появления ценностной схизмы, постепенно оформившейся в аксиоризму: «...высшие достижения технического и экономического прогресса постиндустриальных обществ не ведут к аналогичному прогрессу в морали и обществе», – пишет В. Г. Федотова [6, с. 23], а тем более – в культуре.

Возможно ли прогнозирование будущего, если мы и настоящего не понимаем? Этим и обусловлены столь различные прогнозы будущности.

Список литературы

1. *Albertson C., Cutler T.* Delphi and the image of the future // *Futures*. 1976. Vol. 8, № 5. P. 397–404.
2. *Степин В. С.* Эпоха перемен и сценарии будущего. М., 1996. 250 с.
3. *Жаров С. Н.* Бытие и реальность в гуманитарном познании // *Вестн. Воронеж. гос. ун-та. Сер. Философия*. 2013. № 2 (10). С. 18–38.
4. *Штомпель Л. А., Штомпель О. М.* Настоящее как перерыв // *Культура и время. Время в культуре. Культура времени*. Шахты, 2007. С. 157–163.
5. *Нейсбит Дж.* Мегатренды. М., 2003. 380 с.
6. *Федотова В. Г.* Хорошее общество. М., 2005. 554 с.
7. *Белл Д.* Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М., 1999. 956 с.
8. *Маркузе Г.* Одномерный человек. М., 2003. 331 с.
9. *Инглхарт Р.* Модернизация и постмодернизация // *Новая постиндустриальная волна на Западе : антология*. М., 1996. С. 261–292.
10. *Хэнди Ч.* Алчущий дух. За гранью капитализма : поиск цели в современном мире // *Новая постиндустриальная волна на Западе : антология*. М., 1996. С. 163–185.
11. *Инглхарт Р.* Постмодерн : меняющиеся ценности и изменяющиеся общества // *Полис*. 1997. № 4. С. 6–32.
12. Трансформации в современной цивилизации : постиндустриальное и постэкономическое общество : материалы круглого стола // *Вопр. философии*. 2000. № 1. С. 3–32.
13. *Кесседи Ф. Х.* Идеи и люди : историко-философские и социально-политические этюды. СПб., 2006. 166 с.
14. *Печчеи А.* Человеческие качества. М., 1985. 312 с.
15. Краткое содержание доклада «Пределы роста» : докл. Римского клуба 1972 г. URL: <http://www.russ-yug.ru/article/643/> (дата обращения: 13.04.2013).
16. *Медоуз Д., Рандерс Й., Медоуз Дон.* Пределы роста. 30 лет спустя. URL: <http://rsabc.ru/userfiles/d.-medouz-y.-randers-d.-medouz-predely-rosta.pdf> (дата обращения: 24.04.2013).
17. *Панарин А. С.* Стратегическая нестабильность в XXI веке. М., 2004. 640 с.

Is it Possible to Foresee the Future?

E. Yu. Shakirova

Military Educational-Research Centre of Air Force Air Force Academy named after prof. N. E. Zhukovsky and Y. A. Gagarin (branch, Syzran) 1, Marshal Zhukov str., Syzran, 446029, Russia
E-mail: 5526reu@mail.ru

Future as an object of research has always attracted scientists in different times and from different areas of scientific knowledge, and interest in the future in the mean time, due to an extreme degree of risk-taking and uncertainty of today. The article is analyzing the possibility of predicting the future. It is postulated that the f construction of the future is impossible without a detailed study of the social and cultural foundations of the present. The future has a high degree of uncertainty due to the fact that a new, as unique in the first moments of his birth and existence, is born. The future is a temporal structure of reality. The author comes to a paradoxical conclusion: social and cultural self-organization is able to design their own future itself and as well has the potential to control it.

Key words: future, forecasting, values, society, post-industrial society.

References

1. *Albertson C., Cutler T.* Delphi and the image of the future. *Futures*. 1976, vol. 8, no. 5, pp. 397–404.
2. *Stepin V. S.* *Epoha peremen i stsenarii budushchego* (The era of change and future scenarios). Moscow, 1996. 250 p.
3. *Zharov S. N.* Bitie i realnost v gumanitarnom poznanie (Being and reality in human cognition). *Vestn. Voronezh gos. un-ta. Ser. Filosofiya* (Herald of the Voronezh State University. Ser. Philosophy), 2013, no. 2(10), pp. 18–38.
4. *Shtompel L. A., Shtompel O. M.* Nastoyashchee kak pereryv (Nowadays as a break). *Kultura i vremya. Vremaya v kulture. Kultura vremeni* (Culture and time. Time in culture. Culture time). Shakhty, 2007, pp. 157–163.
5. *Naisbitt J.* *Megatrends: Ten directions transforming our lives*. New York, 1982. 290 p. (Russ. ed.: Neysbit D. *Megatrendy*. Moscow, 2003, 380 p.).
6. *Fedotova V. G.* *Horoshee obschestvo* (Good society). Moscow, 2005. 554 p.
7. *Bell D.* *The coming post-industrial society. A venture in social forecasting*. New York, 1973. 507 p. (Russ. ed.: *Bell D. Gryadushchee postindustrialnoe obschestvo. Opyt sotsialnogo prognozirovaniya*. Moscow, 1999, 956 p.).
8. *Markuse H.* *One-dimensional man: studies in the ideology of advanced industrial society*. Boston, 1964, 320 p. (Russ. ed.: *Markuze G. Odnomernyy chelovek*. Moscow, 2003. 331 p.).
9. *Inglehart R.* *Modernization and postmodernization. Cultural, economic and political change in 43 societies*. Princeton, 1997. 464 p. (Russ. ed.: *Inglhart R.*

- Modernizatsia i postmodernizatsia. *Novaya postindustrialnaya volna na Zapade: antologiya*. Moscow, 1996, pp. 261–292).
10. Handy Ch. *The hungry spirit: beyond capitalism – a quest for purpose in the modern world*. London, 1997. 288 p. (Russ. ed.: Handy Ch. *Alchushchiy dukh. Za granyu kapitalizma: poisk tseli v sovremennom mire. Novaya postindustrialnaya volna na Zapade: antologiya*. Moscow, 1996, pp. 163–185).
 11. Ingelhard R. Postmodern. Menyushchiesya tsennosti i izmenyayushchiesya obshchestva (Postmodernism: changing values and changing society). *Polis* (Polis), 1997, no. 4, pp. 6–32.
 12. Transformatsii v sovremennoi tsivilizatsii: postindustrialnoe i posekonomicheskoe obshchestvo: materialy kruglogo stola (Transformation of modern civilization: a post-industrial society and posteconomic: materials of discussion). *Voprosy Filosofii* (Voprosy Filosofii), 2000, no. 1, pp. 3–32.
 13. Kessedi F. H. *Idei i lyudi: istoriko-filosofskie i sotsialno-politicheskie etudi* (Ideas and people: historical and philosophical and socio-political studies). St.-Petersburg, 2006. 166 p.
 14. Peccei A. *The Human quality*. Oxford; New York, 1977. 214 p. (Russ. ed.: Peccei A. *Chelovecheskie kachestva*. Moscow, 1985. 312 p.).
 15. *Kratkoe sodержanie doklada «Predely rosta»: dokl. Rimskogo kluba 1972 g.* (Summary of the report «The Limits to Growth»: Report of the Club of Rome in 1972). Available at: <http://www.russ-yug.ru/article/643/> (accessed 13 April 2013).
 16. Medouz D. H., Randers Y., Medouz D. L. *Limits to Growth: the 30-year update*. New York, 2004, 338 p. (Russ. ed.: Medouz D. H., Randers Y., Medouz D. L. *Predely rosta. 30 let spustaya*). Available at: <http://rsabc.ru/userfiles/d.-medouz-y.-randers-d.-medouz-predely-rosta.pdf> (accessed 24 April 2013).
 17. Panarin A. S. *Strategicheskaya nestabilnost v XXI veke* (Strategic instability in the XXI century). Moscow, 2004. 640 p.

УДК 17.0

РОЛЬ СОЦИАЛЬНОГО КОНФЛИКТА В ПРИРОДЕ ЭТИЧЕСКОГО

Щеглов Александр Федорович –
кандидат философских наук, доцент кафедры социологии,
социальной работы и политологии,
Омский государственный технический университет
E-mail: a_scheglov31@mail.ru

Статья посвящена философскому анализу природы и структуры поля морали, а также механизма влияния конфликта на формирование этических норм. Рассмотрены философско-этические позиции представителей древнекитайской философской мысли, Античности, И. Канта, Л. Фуллера, А. Бадью. В рамках статьи предлагается классификация основных типов морали по ее генезису – априорного, опирающегося на идею навязывания обществу моральных норм извне, и апостериорного, принимающего факт формирования моральных норм под влиянием и в результате социального конфликта. В рамках апостериористской этической парадигмы обоснованы также три возможных типа апостериористской концепции этики – мягкий, смешанный и жесткий апостериоризм.

Ключевые слова: мораль, этика, истина, априоризм, апостериоризм, конфликт.

Этическая проблематика всегда волновала мыслителей, начиная от эпохи древности и до наших дней. При анализе этического в различные исторические периоды ключевое значение имеют две проблемы: генезис морального и осмысление конструкции самой этики, её содержательного «поля». Анализируя взгляды на строение морали, необходимо заметить, что в различных концепциях всегда просматривается идея возвышения

человека – носителя моральности в процессе его движения от неморальных сущностей к моральным, будь то знание, благодетель либо сострадание или истина.

Принцип морального восхождения человека в период Древности и Античности основывался на идее его возвышения над земным. Так, космоцентрическое понимание мира китайскими философами формировало представление о предназначении морали как области нравственного самоопределения человека путем преодоления срединного (точнее, земного) его положения способом возвышения над земным и подчинения небесному, постоянно при этом соизмеряя свои поступки с должным: «Разве я живу не по повелению, исходящему от неба?» – восклицал в свое оправдание Чжоу-синь, один из китайских правителей из династии Шан, правивший в 1154–1122 гг. до н. э., уличенный в аморальных поступках и распутстве [1, с. 147]. Земное – реальное, человеческое и, вполне возможно, недостоверное. Небесное – гармоничное и, по-видимому, истинное.

Античная этика уже связана с фактом проявления индивидуума как ценности и как субъекта